

Людмила Салагаева

Чей-то зов...

Рассказы

16+

Людмила Салагаева

Чей-то зов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56343435

SelfPub; 2023

Аннотация

В книге «Чей-то зов...» автор повествует о своём жизненном опыте, о том, как на его основе формировалось отличное от других особенное мироощущение. Трудные времена привели её ещё в детском возрасте к осознанному постижению окружающего. Дружная семья, несмотря на ежедневные тяготы, была её опорой и поддержкой, – так рождался её мир вперемешку с мечтами, где в судьбах встреченных людей она искала ответ на вопросы: есть ли тайна жизни? Как она мной управляет? Кто я есть?– В этом магия прозы Людмилы Салагаевой, в которой самые разные истории образуют большую реку под названием Судьба. Многолетняя журналистская деятельность, путешествия, поражающие географической масштабностью: от нищего шахтёрского посёлка Черта в Кузбассе, до Эвенкии, Енисея, Ферганской долины, до таинственной Монголии, прелестной Италии жизнь-качели постоянно давали автору впечатления разного свойства. Из них, вот таких жемчужин, Людмила Салагаева и создала ожерелье своих рассказов. И все они поют Гимн Жизни!

Содержание

Эхо детства	4
Часть I. Эхо детства	6
Благодатное небо	6
Жизнь тайна	12
Миг в вечности.	23
Гришаня-ангел	27
Дядя Фёдор, податель жизни	31
Лучше нету того цвету	37
Тимофей и Ася	42
Ты нам всякая мила	61
Станция Мереть	70
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Людмила Салагаева

Чей-то зов

Эхо детства

Случился день обыкновенный.

Картина бытия проста.

За стёклами белейший снег и тишина.

Спит кот, уткнувши нос в улитку из хвоста.

Всё хорошо.

Под низким зонтиком небес

Колокола плывут и нежат душу.

Горячий яблочный пирог поёт о лете,

О белом облаке цветов в пуссетах пчёл.

Все хорошо.

Как сонный шмель, перетекает

Неспешино время надо мной,

Объединяя прошлое, сегодня и потом – в одно,

Чтоб насладиться новым смыслом жизни.

Все хорошо.

Да только еле слышный ветер

Принес издалека чужую боль и чей-то зов...

Часть I. Эхо детства

Благодатное небо

Моё воображение видело любимицу-бабушку наподобие Божьей Матери. Стоит она на облаке, от неё светящиеся лучи идут. Икона такая у бабушки Арины была, называлась "Благодатное небо". Призванная "подавать Покров Свой и защищение", она через много рук прошла по женской линии и досталась ей после смерти матери. Родственники, принявшие сироту, освободили для святыни место в Красном углу напротив образа Иисуса Христа... Башкир, так его все звали, жил по соседству, считался фигурой знатной. Коневод. Конский заводчик. Не чета бедным родственникам, пристроившим Арину к своим детям нянькой. Говорили, что он родился на коне и тем предрек себе судьбу.

Мать его, будучи на сносях, отправилась верхом на лошади к мужу на отгонное пастбище с пасхальным куличом. История закончилась хорошо. Верная кобыла славно помогла: быстро и бережно доставила роженицу к людям. Родившийся среди степных скакунов мальчик вместе с запахом лошадиного пота, получил любимую игрушку на всю жизнь. Говорили, что, набравшись у лошадей повадок, он и сам стал походить на норовистого коня.

Коников своих любил до умопомрачения, сам их выпа- сал, лечил, сохранял чистоту породы, состоял при них неот- лучно. Добрая слава им цену назначала и покупателя приво- дила. Это его заслуга.

Внешность Башкир получил даром. Но тоже от мастера и непростого: всё в нем тонко вырезано и отточено, избыточ- но будто бы, а красиво! Вот ноздри... Для чего тут красота? А они у него играют не только при жизненных смятениях. Губы и вовсе: изгибы волной, а каёмочка слегка вывернута, в уголках точки – вроде завершения, и столько в них чер- товщины... Глаза открыто так смотрят, будто ты ему близ- кий. Так это всего лишь фотография...

После смерти жены в родах осталось трое детей, они его тяготили, надо было за домом и нянькой присматривать, а сердце рвалось к любимцам.

Мою бабушку высмотрел, как выбирал лошадей. Особая стать, лёгкая походка, тонкие лодыжки и запястья – ладные и крепкие; миловидное лицо и покладистость – всё в ней соединялось таким образом, что он загорелся овладеть со- кровещем. Дело оказалось нетрудное. Родственники уже по- думывали, куда пристроить бедную. Рановато, правда, всего четырнадцать лет... Но фарт дважды не бывает...

"Благодатное небо", завёрнутое в расшитое полотенце, невеста как приданое, принесла в новый дом. Так Арина ста- ла хозяйкой подворья и кормилицей детей Башкира, а через год родила сына. Случилось это в лихолетье революционной

бури.

Докатившись до сибирского захолустья, волна разбоя сметала всё на пути, бывало, ради одного куража. Революционеры хлестали самогон как воду. А упившись, забывали с кем и за что воюют. Бесчинствовали напрадалую.

Башкир со своим табуном засел в глубине крутолобых, заросших лесом сопок и носа не высовывал, знал, что на его лошадок положили глаз все проходимцы: и красные, и под видом их, кружившие в поисках поживы вокруг села. Говорили- мол то тут, то там Башкир побывал, однако, он уже месяц порог дома не переступал.

Молоденькая жена, выстаивая на коленях предрассветные часы перед иконой, молила подать “защитение”, помиловать и сохранить мужа. Просила горячо, как за любимого, хотя эту самую любовь почувствовать не успела – виделись они редко и говорили мало: ему сорок, она – девчонка.

К тому же он был молчуном. Его поговорку "слово-олово" слышали те, кто вел с ним дело, и побаивались скреплять договор таким образом, знали, не исполнишь – достанет, где бы ты ни был; сам слову не изменял.

Хоронилась в нём такая нутряная сила, магнетизм, в нынешнем лексиконе харизмой обозначенная, что всякий, кто рядом оказывался, становился с ним заодно. Может, таким Спартак был или Суворов. Только он вряд ли ими интересовался. Он сам по себе...

Однажды ложно предсказали, будто собирается Башкир

поутру своих навестить. Лиходеи и нагрянули. Арина только подпол открыла картошки набрать, и тут стук, гром, дверь с петель – и в хате орава мужиков с ружьями наизготовку, с красными лентами на скособоченных шапках, рожи, перепоем раздутые, самогоном разят.

Один на неё ружье наставил:

– Где Башкир?

А другой, какого-то звука испугавшись, в белый свет выстрелил. Арина, потеряв сознание, рухнула в погреб. Ребёнок в люльке зашелся в крике, другие дети, трясясь от страха, твердили:

– Батьки нет дома!

Соседи, выждав, пока бандиты уберутся, вытащили полуживую Арину из ямы. Тут-то приключилась с ней падучая в первый раз. И после, до самой смерти, раз в неделю оказывалась она во власти силы, уносившей её прочь из этого пугающего мира.

Мужа своего, Башкира – Дмитрия по церковной записи, Арина живым больше не видела. Увёл он свой табун в Монголию, оставил там под "слово-олово" знакомому коневоду. А когда возвращался, не избежал преследователей. В завязавшейся перестрелке все патроны послал, не промахиваясь, а последний оставил себе, и тоже попал точно.

При нём нашли мешочек с золотыми монетами царской чеканки и радовались, разбирая. Один революционер был из местных – конюх, отлученный Башкиром за разгильдяйство.

Ему достался славный кисет, шитый золотом. В том кисете оказался потайной карман, а в нём черно-белая фотография. На ней: Башкир в обычной одежде, в какой лошадей объезжал, в руке хлыст, рядом любимая лошадь Краса, перед ним детишки стоят и круглыми глазами смотрят, а Арина с младенцем к плечу его прислонилась. По белому внизу крепкой рукой написано: "Моя семья."

Человек этот, спустя время, в Прощёное воскресенье принес вещь вдове. Был он сильно трачен жизнью и чем-то напуган. Не захотел рассказать, как все там было. Она приняла с благодарностью фотографию и кисет, сказала, что прощает.

Кисет, как водится с дорогими вещами, был определён под защиту иконы, спрятан за неё в самый угол. А фотография долгие годы стояла рядом с ней.

Однажды, осмысливая доступную мне историю кончины деда Дмитрия, я спросила бабушку:

– Почему тебе "Благодатное небо" не помогло. Ты же молилась, просила...

– Богу лучше знать, кому что давать, – ответила бабушка мягко.

Сняла с божницы фотографию:

– Прочитай, что дедушка написал.

С трудом разбирая прописные буквы, я произнесла: "Моя семья".

– Запомни. Вдруг карточка потеряется. На ней ответ на твой вопрос. Вырастешь, поймешь.

Выросла. Поняла. И отнесла в разряд чудес этот поплавок человеческого существования.

Жизнь тайна

С тех пор как появился способ передачи мыслей закорючками-символами, истина, явленная тебе, может быть передана другим или сохранена до лучших времен. Отчаявшись быть услышанными и понятыми близкими, люди во все времена избирали в собеседники пишущее средство и любую поверхность, где можно запечатлеть опыт жизни, игру разума.

Точкой отсчета могут быть наскальные изображения в глубине пещеры Альтамира и Ласко, "Газетный камень" штата Юта, тысячелетиями хранящие тайну создавших их летописцев. Абрис изящной женской руки – привет, дошедший через века!

Эстафету чудесной коммуникации подхватила великая царица Иштар, однажды доверив глиняным дощечкам бурю своей жизни. Откровения бесподобной духовидицы из 12 века Хильдегарды Бингенской – подарок всем нам, вдохновляет современных ученых на новые открытия.

Сколько их, подённых записок кануло в Лету, истлело, было разобрано заботливой природой на мельчайшие атомы. И не имеет значения, запечатлены ли эти искренние монологи на каком-то вещественном носителе или, однажды высказанные, остались достоянием эфира, – они существуют все-

гда. Ведь всё сотворятся мыслью.

Где-то рядом кружат тайные знания, иные реальности, созданные множеством людей. Они будоражат, зовут включиться в хоровод. Невидимый мир очень близок – именно оттуда приходят нужные, правильные ответы, поддержка, проблески истины. С нами делятся великие и безымянные мыслители. Благодаря им мир расширяется.

Самая незатейливая история жизни также важна для сущего, как грандиозный миф о Клеопатре. Ведь Творец проживает её вместе с нами. Жизнь каждого – Его произволение. Зарисовки – это сохранённые рассказы близких, несколько тетрадок мамы и бабушки, повествующих о некоторых эпизодах жизни, которые никому другому доверить невозможно.

Дневник вещь особенная. Тонкость чувств женщины и способность к открытости превращает карту души в живое пространство. Я собрала воедино эти опыты, в которых ведётся рассказ, и не больше-не меньше как о Тайне жизни!

А что?

Каждый приходит однажды к этим вопросам:

ЕСТЬ ЛИ ТАЙНА ЖИЗНИ? КАК ОНА МНОЙ УПРАВЛЯЕТ? КТО Я ЕСТЬ?

Мне три года, я стою между грядок огорода маленько-

го шахтёрского городка в Кузбассе. Только что прошёл холодный дождь. Как армия воинов, вокруг выстроились темно-зелёные картофельные кусты в крупных дрожащих каплях. Холодно до пупырышка.

И вдруг что-то происходит. Теплеют руки, свет меняется с тёмно-зелёного на изумрудный. Картофельный куст как будто встрепенулся. Там, в середине, куда я неотрывно смотрю, медленно раздвигаются острые лепестки, открывая фиолетовое нутро, в центре которого загорается оранжевая точка.

На моих глазах распускается цветок! Боже, до чего он восхитительный! Стою и смотрю... смотрю... Он мой! Я знаю, что мне послал его Бог, и горячо благодарю, не зная имени, не представляя в образе. Просто благодарю и плачу. Теперь тепло охватывает меня изнутри и снаружи, радость танцует в теле. От цветка невозможно оторвать взгляд. А вдруг произойдет что-то ещё?!

Глядя на цветок, твержу себе, что оказалась здесь по ошибке и скоро вернусь Домой. Это "домой" представляется лучезарным пространством, где меня обнимают любовь и безопасность. А реальный дом, огород, холодный дождь – отодвигаются как страшный сон.

Не раз в течение жизни, в самые трудные моменты, уверенность, что скоро вернусь Домой, приходила мне на помощь. И тогда всплывали в памяти неясные картины таинственного благостного мира, для которого я – своя.

Дымный грязный городишко, окружённый вынутой из недр земли породой, утыканный черными хибарками с крохотными огородиками, где не всегда поспевала картошка, а морковь съедалась в состоянии мышинных хвостов, был местом, где я жила.

Обычно меня окружали крикливые, злые, с вечно торчащими огромными животами женщины. Они всегда что-нибудь в спешке делали и проклинали младенцев, вызывающих недомогание. Родившиеся требовали к себе много внимания и назывались "лишними ртами". Небо, проливающее холодные дожди, не знало отдыха. Всё лето крупные капли сливались в огромные лужи и бегущие по глинистым колеям мутные ручьи. Люди бродили мрачные, трава не росла. Все жильё пропахло сыростью. Это была моя родина.

Вам случалось видеть шахтёрские поселки с отвалами дымящейся породы? Они называются терриконами. Если вы ничего не знаете об аде и тамошних пейзажах, вот они – перед вами. Уродливые конусы и сегодня высятся в степях Донбасса, Кузбасса, на Земле Франца Иосифа – везде, где победоносная поступь Советской власти находила дешёвые для извлечения полезные ископаемые, интенсивно их разрабатывала и после бросала разверстую рану на теле земли, устремляясь к другим "кладовым природы".

Как можно больше взять! Уничтожить! Отчитаться! Разбазарить! Отправить куда-нибудь сгнивать за ненадобно-

стью. Получить из рук очередного вождя под звуки Гимна ордена и медали, а заодно хрустящие бумажки-облигации вместо денег, которые так и истлеют ненужным хламом.

Жили и работали по-стахановски, напрягая тощие жилы. Спешили, мельтешили, ходили строем с красными бумажными розами на демонстрации, орали во всю глотку "Слава товарищу "имя рек"! Мечтали о коммунизме, который объявили раем на земле.

Ну как не отдать последние силы и последнюю рубашку! Свою жизнь, в конце концов! Если через десять лет всё сказочно изменится. И как верили! Хором. Во сне и наяву. Глядя во все глаза на Членов Политбюро – Ум, Честь, Совесть нации, трепетали перед ними, рвались в Партию – в Храм для посвященных. Как личную трагедию, как отверженность воспринимали отказ о приеме в священное братство.

А пока терпели, даже не имея возможности купить уголь для своих печурок, который сами бесплатно добывали, работая по двенадцать часов в опасных забоях, не укреплённых как надо из-за экономии средств. И нередко гибли целыми сменами.

Жили в грязных лачугах, плодили детей, болели, лечились, как прежде, у народных знахарок. Делили каждую крошку хлеба на клеёнчатом столе, питались затирухой из отходов муки, сдобренной каплями горького конопляного масла, дроблёным горохом, да мёрзлой картошкой, у кого

она сохранялась в сорокоградусные морозы. Так шествовал социализм, победивший фашизм в жуткой войне.

По склону горы, окутанной лентами удушливых дымов, ползет вверх гружёная вагонетка. Там её опрокидывают, и порода вместе с кусками случайно попавшего угля катится вниз. Уж не знаю, куда смотрели техники по безопасности, но по этой горе карабкались люди из ближайшего поселка и собирали(воровали) уголь для своих печек.

Рука в руке ползём мы по шевелящемуся склону. Тепло в доме всецело зависит от нашей с бабушкой удачной "охоты". Гора в сизоватом дрожащем мареве, в недрах тлеет уголь, воспламенившийся от удара, повсюду угрожающие красные пещерки адской кочегарки.

Гарь ест глаза, першит в горле, из-под ног то и дело срываются камни и с грохотом летят вниз. А ты лезешь и зорко высматриваешь чёрные, блестящие. Больше всего их в новой порции, выплюнутой чугунным чудищем. Надо всё время быть настороже, чтобы летящие снаряды не сбили тебя, уклоняться, отскакивать...

До прихода новой вагонетки – передышка, тут уж не зевай – ищи. Нам везёт, угля попадается много, и он крупный. Бабушка Арина, раскрасневшаяся от жара и наскоков опасности, крепко берет меня за руку:

– Ты молодец, страх поборола, бабушке помогла.

На верху горы воздух сладкий, небо близко. Вот бы оторваться и полететь!

В свой маленький, вросший в землю домишко, мы возвращаемся победителями. Чумазые, часто с небольшими ожогами на руках и коленках, с опалёнными волосами, ресницами мы несём полные вёдра добычи: бабушка – большое, я – маленькое.

Черно-белая фотография семилетней девочки являет удивление и протест. Это выражение запечатлелось навсегда и было заметно в 17-, 25- и даже 40-летнем возрасте. Я не могла принять мрачный мир непонятных вещей и упорно надеялась вернуться Домой.

Неужели и вправду бывают ошибки?

Как бы там ни было, я жила и осваивалась с новыми реалиями. Трудности роста преследовали меня, но давали шанс на продолжение жизни. В три года я победила воспаление лёгких, а маленький братик ушёл на небеса, несмотря на все старания бабушки Арины.

В ту ночь, на столе, покрытым лоскутным одеялом, мы с братом лежали завернутые в тёплые старые шали, как две личинки, ждущие развязки. Тусклая лампочка на длинном шнуре слегка колебалась, наподобие маятника, от горестных вздохов – претворяя рисунок борьбы со смертью.

Всю ночь ворожея творила молитвы над чашей с водой, но к утру, обессиленная, тихо и виновато сказала матери:

– Не жилец Сашенька.

Я видела усталые лица, их немую просьбу о помощи, видела, как из братика ушла жизнь, он стал чужой.

И тут последовало событие, прервавшее плач двух женщин. В открытую форточку со стороны улицы просунулся железный прут с крючком и сдёрнул платье, висевшее на гвозде возле окна. Это платье было единственной одеждой, в которой мать ходила на работу. И теперь оно исчезало на глазах. Послышался восклик и шум шагов убегающего человека.

Женщины замерли. Когда бабушка опамятовалась, перекрестившись, сказала:

– Он, бедный, порезался о стекло и сильно поранился, вся рама в крови. Мама перевела взгляд на маленькое неживое тельце и громко разрыдалась.

Мой паровоз, пытая, миновал злополучную станцию. Во мне промелькнула кратковременная радость жизни и перешла в сон, спрятавший меня глубоко-глубоко в центре Острова. Вокруг невообразимо далеко простиралась гладь абсолютно спокойных вод.

* * *

Вместе с раскрывшимся цветком выздоровление стало

началом моей личной коллекции ТАЙНОГО, которую я хранила и умножала, но никому не говорила о ней до сегодняшнего дня. Уже тогда, в совсем раннем детстве, впервые после смерти братика, меня интересовало, в чём тайна жизни, и кто ею распоряжается.

Как и все маленькие дети, я была очень любопытна... Неведомое сотрясало меня. Нетерпение получить ответы немедленно заставляло включаться в разгадывание секретов. Ждать не было мочи. Вся неуёмная энергия и жгучий интерес так подогревал исследовательский дух, что подглядывание, подслушивание стало самым обычным делом. Иногда приводило к курьёзным случаям.

В маленьком огорожке среди двух старых берёз с вороньими гнёздами наверху, стоял чёрный сруб колодца, с воротом и деревянным ведром, вроде глубокого корыта. Все соседи брали из него воду. Однажды я взялась проверить колодец, узнать, что таит его тёмное нутро со скользкими брёвнами сруба.

Мне захотелось спуститься немножко пониже, чтобы изнутри посмотреть на небо. В вóрте была затычка, которой можно было регулировать длину верёвки. В свои четыре года я уже освоила это. Спустив её примерно на мой рост, я закрепила штырь и спрыгнула в деревянное корыто.

Видимо не туго вставленный, он сорвался. Я мигом очутилась на дне колодца. Бадья погрузилась в холодную воду и остановилась на твёрдом. Наревевшись и отдышавшись, я

вычерпала привязанным ковшиком воду, и принялась изображать, как выбраться из заточения. Ничего не придумав, решила ждать первого, кто придёт к колодцу.

Становилось невыносимо холодно и страшно, а когда я увидела, как извиваясь и ловко обходя осклизлости, прямо на меня спускается метровый уж, стала ждать, что он будет со мной делать. Вообще-то я его назвала змеёй, ужей еще видеть не приходилось.

Страх заставил меня кричать так громко, что я скоро охрипла. Подумала – может быть змеи вообще не слышат. Блестящее животное прикикло к воде, а потом извиваясь залезло в корыто и улеглось у моих ног. Казалось, я сейчас умру, меня не станет, но круглая верёвка, в которую превратился уж, не двигалась, словно он застыл.

Успокоилась и я, только дрожала мелкой дрожью. Страх было сколько угодно: глубокий колодец, холод, змея, а я всё еще живу. И тогда я решила: наверно буду жить, если до сих пор не умерла. Только от змеи отодвинулась и сжалась на всякий случай.

Теперь мне только и оставалось, что смотреть на небо, по которому проплывали пышные облака, похожие на замки с садами из белого мороженого. Пока наконец, знакомый бабушкин голос не произнес угрозу, приберегаемую на крайний случай:

– Выдеру как сидорову козу.

Уже через минуту мы вместе с ужом грелись на кры-

лечке, меня переодели в тёплую кофту.

Жизнь, лишённая опасности, была удивительна! Однако победа над собой, над своим страхом долго не давала мне заснуть в эту ночь.

И казалось – кто-то невидимый улыбался вместе со мной. Невидимый стал ещё одной моей тайной.

Миг в вечности.

Путь от роддома до нового места жительства, на соседнюю улицу, маленькая путешественница проделала у бабушки на руках. Тихий тёплый день бабьего лета шелестел жёлтыми листьями. Шмели шастали по ярким головкам чертополоха, качались на последних цветах девясила. Ушедшее лето выбросило на прощанье шлейф запахов из цветов и трав, направленный тоненькой нотой земли, принявшей в себя созревшие плоды, оберегающие до поры новую жизнь.

Умиротворение снизошло на всякую тварь, и дерево, и камень. Небо было синее, облака стояли высоко и рисовали стадо послушно бредущих овец.

Ангельское лицо широко раскрытыми глазами смотрело на небо. Атласная, как лепестки нежнейшего цветка кожа, соприкасаясь с мягким светом осени, на глазах розовела.

– Посмотри, посмотри, откуда явилась, – одобрила бабушка Арина и повернулась к молодой женщине.

– Надежда, дюжишь? Скоро дома будем. Отдохнешь, травками отпою и кровушку восстановим.

Тихо звякнул колокольчик на калитке. Обе сопровождающие малютку женщины, светились любовью, и несли себя бережно, словно что-то могли расплескать. Заросли оран-

жевых настурций заполонили дворик. Чтобы не сломать их хрупкие граммофончики, приходилось ступать очень осторожно.

Новорождённую внесли в дом как королеву. Бабушка возвестила:

– Вот она.

В горнице, у накрытого стола, стояли нарядные родственницы: сестра бабушки Арины – баба Маша, сестра роженицы – Зоя.

– Милости просим! – сердечно пригласила бабушка Арина, глядя на крошку и укладывая её на кровать.

Дитя всё так же внимательно смотрело перед собой. Женщины окружили белый свёрток и старались уловить в лице ребенка знакомые черты.

Малютка неожиданно широко улыбнулась. Улыбнулись и женщины, заговорили разом.

– Пригожее дитя.

– Очень осмысленный взгляд.

– Глазки красивые с обводочкой.

– Вот и я говорю, что милая девочка, – поддержала бабушка Арина.

– Надежда, тебе глянется имя Людмила?

Стали обсуждать имя, вспоминали Людмил из своего окружения.

Малышка ощущала тепло, покой, как в материнской утро-

бе. Её всё ещё баюкала музыка оставленного мира.

Однако здесь долго не понежишься: всколыхнулся воздух, и рядом появился живой клубок. Вместе с ним перемещалась напряжённая энергия.

Настороженное облако неслышно втягивало выдохи грудничка. Новый жилец определённо был своим. Впереди приятное знакомство.

Тепло и запах обнюхивающего существа не совпадали с материнскими. Маленькое тельце ответило проснувшимся страхом. Девочка сморщила носик и заплакала.

Родственницы разом повернулись на плач. Кошка, завершив круг, и уловив внимание к себе, поняла, что ничего хорошего оно не сулит. Мягко спрыгнула с кровати, равнодушно обогнула ноги стоящих, потерлась слегка. А потом, улыбаясь от удовольствия, устремилась на улицу.

– Ишь, лыбится Мурка, товарища по играм учуяла, – заметила баба Маша.

Зоя тихо ойкнула:

– Гляньте, цветок распустился.

Женщины потянулись к пунцовому цветку китайской розы, от которой несколько лет не было проку.

– А может это подарок дитю нашему, – истолковала бабушка Арина.

Все вместе освободили малышку от пелён, рассмотрели ручки, ножки, погладили животик. Завернув в тонкую пе-

ленку, искупали в цинковой ванночке с запаренными листиками череды, бережно поддерживая головку и поливая тёплой водичкой. Она блаженно щурилась и не плакала. Принимая мокренькую на белые пухлые руки, баба Маша сговаривала:

– С гуся вода, с ангелушечки худоба.

– Нынче всё больше девочки рождаются, – задумчиво поделилась баба Маша.

– Если девочек больше, война скоро закончится, – после долгого вздоха откликнулась бабушка Арина.

– А ты откуда знаешь? – просияв, с надеждой спросила молодая мать.

– Так от века ведется, – тихо откликнулась бабушка.

Ребенка передали матери на кормление и уселись за стол.

Наполнили гранёные стаканчики. Не сговариваясь и не чокаясь, первую выпили за своих погибших мужей, все были вдовы.

Похоронка на отца малютки лежала за образами. Её доставили в день рожденья девочки. Надежде решили пока не говорить, чтобы не сгорело молоко.

Шел 1943 год.

Гришаня-ангел

«Гнилой угол» упирался в ржавый забор рыбцеха. Прово-
нявший рыбой и водорослями, он был позором нищего по-
селка. Зато самым посещаемым местом. На бугре стояла по-
селковая лавка, куда заглядывали проезжавшие автомобили-
сты. За ней кусок моря с мокрыми лбами скал – пристани-
щем сивучей. Морские мигранты приплывали сюда в мае и
терпеливо ждали гигантской трапезы – появления косяков
горбуши и кеты.

Напротив магазина, на отвоеванном у берега пяточке, где
слой песка за полстолетия был утрамбован ногами живу-
щих, едва возвышалась почерневшая развалюха – мало похо-
жая на человеческое жильё, но обитаемая. Здесь жил маль-
чик-ангел. На вопрос, сколько лет, он, лучезерно улыбаясь,
показывал четыре пальца.

Приветливое лицо в обрамлении выгоревших нестрижен-
ных кудрей, в длинной рубашончке – сестринской кофте,
босой – он обычно встречал вас на лужайке из аптечной ро-
машки, чудом уцелевшей от колёс автомобилей. Может, и
уцелела потому только, что лепилась к самой стене под ок-
ном вросшего в песок домишки.

Гришаня сидел на траве с лохматой собачонкой, разгля-
дывая на солнце янтарики, найденные этим утром. Кто бы

ни останавливался у магазина, Гришаню окликал. Его нельзя было не заметить, как нельзя не увидеть радугу прямо перед тобой. И хотелось задержаться, посмотреть, поудивляться.

– Вишь какой! Чистый ангел!

Угощали лучшим, что было припасено.

Наступала минута – хриплый голос через окно звал Гришаню. Следующий момент: с зажатой в руке денежкой мальчик спешил в магазин. Обычный мамкин заказ: сигареты и бутылка пива. Жил Гришаня для мамы Зины – приносил ей опохмелку и курево. Для сестры Ларисы – собирал её разбросанные вещи и вместо неё топил печку. Со всеми делился угощением. С Шариком, другом, спали обнявшись, собирали выброшенные морем янтарики и полезную еду: водоросли, маленьких, не справившихся с сильной прибрежной волной крабов, осьминожек, мидий. Иногда копали червей для рыбаков и, сидя на высоком причале, подолгу молчали...

Продавщица Клава, всякий раз глядя на Гришаню, расстраивалась. Бывшая комсомолка в ангелов не верила. Но встретила – и узнала. И так полюбила своей простой душой, что стала просить никчемную Зинку отдать ей Гришаню на воспитание. Хорошенько напившись, Зинка прямо в магазине расцарапала продавщице лицо («морду!» – так она кричала) и бушевала час за закрытой дверью, вытолкав покупателей.

– Сама попробуй роди, да тогда и отдай кровинку свою! – разорялась она визгливо.

Считая, что этого мало, раскочегарившаяся Зинуля грозила Клаве кулаком, изображала лицом страшные гримасы – угрозы, обозначая своё превосходство. Натешившись, заснула на берегу в полуистлевшем старом баркасе, наполовину затянутом песком.

Как-то Зинуля собралась в город выпросить у бывшего мужа денег на выпивку и дочери Лариске на поступление в медицинский колледж.

– Не ждите! Ночуйте без меня! Завтра вернусь! – крикнула она на бегу, стараясь успеть на автобус.

Три молодых браконьера из соседнего городка, Шурики – так их звали в поселке, впервые дорвавшись до лёгкого заработка, выпотрошили ночами несчётное количество горбуши в малой речке и сбывли удачно пятьдесят килограммов икры. Уже сутки они отмечали на берегу успех водкой «Медведь Шатун» с крабами. Их сытые и отравленные большим количеством алкоголя и белка организмы бушевали, как перегретые котлы, и хотели освободиться от яда. А потом... ну, «этого самого». Захлопнувшаяся за Зинулей дверь автобуса была спусковым крючком «этого самого». Промелькнувшая идея четко рисовала действия.

Они зашли в магазин, купили «Казёнку», рассовали по карманам. Лариса, четырнадцатилетняя дочка уехавшей Зинули, ещё спала и гостям не обрадовалась. Гришаня с Шариком носились по берегу.

Шурики, где напором, а где вроде как дружеской шуткой,

заставили девочку приготовить еду. За столом расположились по-хозяйски, ели и пили долго. Лара пить наотрез отказалась и ушла во двор стирать бельишко.

Темнело. Гришаня с Шариком всё ещё не появились. Девочка зашла в избу за курточкой, и тут же вырубился свет. Кто-то грубо схватил Ларису и потащил внутрь. Ее крик преврала грубая рука, пропахшая рыбой. А потом настал ад, конца которому не было.

Вбежавший в дом Гришаня с ходу был заперт в сенях на щеколду. Его обессиленные крики «Лара!.. Лара!..» растворились в топоте ног, матерных выкриках и пробуксовке застрявшего в песке грузовичка. Запах бензина, треск сухой древесины... Пламя заплясало, цепляясь за выступающие венцы.

Ещё миг – и оно заключило старый дом в гибельные объятия. Неожиданно Шурики ринулись в избу, вспомнив про забытую сумку с деньгами... Через минуту рухнула крыша. Облако пыли с обломками сильный ветер потащил в море.

Связанная веревкой и брошенная на мокрые сети в грузовике, Лара увидела взметнувшееся пламя. В небе расцвел огромный красный цветок их дома. Всё, что оставалось в ней живого, чувствующего, исчезло. Кроме глаз, прикованных к огню. Очень высоко из пламени вырвалось светлое облачко. Это Гришаня-ангел возвращался в свои пределы.

Дядя Фёдор, податель жизни

В этот день мама припаздывала с работы, и мне пришлось кормить ужином хнычущую сестрёнку. От дела отвлёк негромкий стук в дверь, обычно соседи входили без предупреждения. Тётя Паша мышкой шмыгнула через порог, а потом растерянно и суетливо мыкалась по кухоньке и, запинаясь, проговаривала:

– Ты, это, не пугайся... мамку твою с кровотечением в больницу привезли ... Говорят, без сознания.... Плоха. Медсестра шла мимо проулка... Сказала. Велела всем язык за зубами держать, доктор приказал. “Криминальный аборт”, – страшным шёпотом в самое ухо без запинки выговорила она, и взглянув на моё недоумевающее лицо, добавила, – запрещшшено это делать, аборты- ребёночка из себя выбрасывать. В тюрьму за ето полагается.

И громко заплакала. Детей у соседки не было ни своих, ни приёмных.

– Где наш артис-дуролом? – Это она о пьяном отце. – Эвон, грядку бодает, эт надолго. Надо тебе к мамке. Мало ли чево может случиться. Иди, а там спросишь, где она лежит.

– А что может случиться?!– выкрикнула я, прозрев самое худшее.

– Может – надвое ворожит, – уклонилаь тётя Паша, осо-

знав, видимо, преждевременность своих предположений. – Иди, не мешкай, я управлюсь тут. Лиду покормлю, козу из стада встречу.

Неверными движениями, торопясь, я укладывала в дерматиновую потрескавшуюся сумку ночную рубашку, стыдясь её латанности, гребешок, носовой платок, полила хлеб конопляным маслом.

Дядю Фёдора, врача, я знала по маминым рассказам: однажды он уже вытащил её из беды. В женских разговорах имя его произносилось с горячей благодарностью.

Государство восполняло миллионы погибших драконовским указом – запретом абортов медицинским способом и лишением свободы за подпольный. Сажали без жалости и женщин, и врачей, часто по одному доносу. Адрес подпольной повитухи Ксении, обладательницы стального крючка, хранился в страшной тайне. И существовал пока. Хотя некоторых, чьё имя ещё помнила молва, эта "помощь" отправила на тот свет.

Вытащившие "счастливый билет", часто на грани жизни и смерти, с кровотечением, а то и заражением крови, оказывались на операционном столе дяди Фёдора. Случалось, и не один раз, призывая всё своё умение, отстаивал он жизнь какой-нибудь матери семейства, рискуя своей.

Доктор, хоть и жил в соседнем переулке, домой ходил редко, в больнице-безвылазно. Роды принимал, оперировал и

приём там же вёл. В нем всё было большое: тело, голова, руки, ноги, лицо с резкими чертами. Даже видом своим он внушал доверие. Рассказывали, что врач был смелым до дерзости, как и полагается божеству, способному вернуть человеку жизнь. Спасённые ставили за него в уцелевшей церкви свечки и поминали в ежедневных молитвах.

И вот стою я, семилетняя девочка, насмерть перепуганная, на деревянном крыльце больницы, а он, держа мою руку – палочку в своей и поглаживая другой, гудит тихонько:

– Мамку твою я вылечу, не бойся, обещаю. Кто будет спрашивать, – астма, приступ, поняла? А лучше помалкивай. Умеешь молчать? Так надо для мамки твоей. Отец, как проспится, пусть утром до работы зайдет, поговорить надо. Ну, иди, иди, – слегка подтолкнул он меня, – сегодня к ней нельзя и завтра не приходи, я с ней побуду. – Не возражаешь?

Моё сердечко уже не билось как сумасшедшая запутавшаяся птичка, оно стучало ровно. Наш доктор обладал властью, невидимой, превосходящей ту, что карает людей. Он считался со слепой силой закона, но поступал, как велела совесть.

Утром я передала отцу наказ дяди Фёдора и, быстренько собравшись, отправилась в больницу с ним вместе. Его провели к доктору, а я топталась у входа, стараясь не попадаться на глаза озабоченным людям в белых халатах. Вскоре доктор и отец направились в конец коридора.

– Ты понял? Сиди и жди. Когда откроет глаза, улыбнись, скажи что-нибудь ободряющее и зови меня. Ну, а если долго

не будет просыпаться, – тоже зови.

С этими словами доктор удалился, а я вышла из-за двери и заглянула в палату. В узком пенале стояла только одна кровать, на ней лежала моя мать под белой простыней, и лицо её поражало безучастностью. Оно было отдаленное. Незнакомое... Неживое.

– А вдруг она... – Внутри всё остановилось и замерло, я вцепилась ногтями в руку, чтобы проверить, не умираю ли я от горя. Почувствовав боль, задышала.

– Не умирай, мама! – кричало моё сердце. – Зачем ты это сделала! Лучше бы родила его. Как-нибудь жили бы все вместе... Нельзя тебе умирать... Мы ещё совсем маленькие. Я буду помогать тебе... Только живи... Ругайся... Сердись... Кури свой астматол... только живи!

И тут я вспомнила о неродившемся ребёночке, выброшенном куда-то из живота. Невыносимая жалость к нему, неизвестно куда выброшенному, заслонила ужас смерти. А мгновение спустя, я уже наполнилась злостью.

– Из-за него мама может быть умрёт! Или умерла?

Зубы мои стучали друг о друга и кусали язык. Вцепившись взглядом в застывшее лицо, я молила:

– Дай мне какой-нибудь знак, что ты жива...

Отец стоял рядом с кроватью, сцепив руки в замок и наклонив голову, долго всматривался в лицо матери. Шёпотом,

незнакомым голосом произнес:

– Мать! Это я, твой Иван...

Тишина... Отец подвинул стул, но передумал и бухнулся на колени.

– Мать, – тихо позвал он, – Надежда! Надюша! – вырвалось у него ласковое имя, каким он никогда её не называл. Потом прижался к вытянутой на простыне руке, громко взрыднул, тотчас подавив плач усилием и закрыв лицо руками. Взмолился:

– Прости... Ты, наверное, не знаешь – я тебя ценю! Ты меня держишь... как якорь. Как же так получилось, Надюша! Не умирай, прошу... Мы теперь хорошо заживем. Не бросай нас с ребятами!

На коленях отец придвинулся ближе и прикоснулся к маминой щеке.

– Надя, я мало говорил тебе хороших слов. Я тебе пел... Всякие шутки старался устроить, чтоб тебя обрадовать... Помнишь, поставил на огороде чучело, а лицо твоё нарисовал. Ты смеялась!

По простыне прошло движение.

Услышав шаги и шумное дыхание, я поняла, что вернулся доктор.

– А ты что здесь делаешь, малявка?

– Сказал же, мамка твоя будет жить! – строжился он голосом, а глаза держали отца, переживающего серьезнейший момент в жизни.

Дядя Фёдор сжал мои плечи и развернул к выходу.

Огромное горе исчезло.

Лучше нету того цвету

Не случись заморозок, не о чем было бы и рассказывать. Жизнь шла беспросветная тусклая. Но в Переулке этого не замечали. Сажали картошку. Ходили за хлебом. Рожали детей. Ставили бражку. Пили, когда поспеет. Пели обнявшись. Дрались порой, когда кто-нибудь петушился, ставил себя выше. Соседи жили примерно одинаково: от зарплаты до зарплаты. Деньги, продукты, случалось, друг у друга одалживали. На огородах своих ковырялись.

Котовы соседей давно не интересовали. Правду сказать — ещё как интересовали. Только договорились их не замечать. Они сами и вынудили. Петр Котов не пьёт. Родители—староверы навек прививку сделали. Компанию не поддерживает. На электроламповом заводе всё время в передовиках. Премии ему то и дело дают. Жене швейную машинку купил. Немецкую. Нарядов себе настрочила и форсит. Соседок зазывает, обещает задаром, что надо сшить. Да где у них деньги на обновки.

Витьке, сыну-сопле, аккордеон приобрел.

А уж грамот! Вся стенка залеплена. Но не в этом дело. Сильно жаден Петр до всякой работы. С завода придёт и до темноты пилит, строгает, чинит. Всё умеет, всё может. Жен-

щины к нему, как к скорой помощи: утюги, плитки тащат, радиоприемники, каблуки отвалившиеся. Да что там приборы: корова у Паши отелиться не могла – он телёночка спас. Бабы приходят от Котовых и бу-бу-бу... Какой мужик рукастый, а ты...

Мужики решили ему отомстить. Жёнам запретили к Котовым ходить. И говорить о них. Категорически. Вышло, конечно, некрасиво: сосед спать не даёт – хорошо живёт! А что прикажете? Терпеть всё это?!

Не слушалась только десятилетняя дочка Ивана. Когда Витька с аккордеоном выходил на крыльцо и выжимал из своих клавиш через пень-колоду что-то похожее на “Во поле береза стояла”, пигалица-Зойка, прячась за углом дома, замирала и слушала. Витька это знал, щёки его горели, а инструмент от излишних усилий издавал непотребные звуки.

Почти год дистанцию держали. С наступлением тепла стали потихоньку огороды оживлять: убирать и сжигать мусор, поправлять грядки. У всех, как у людей, а ЭТОМУ и здесь надо выделиться. Чудак два года назад почти весь надел в пять соток перекопал и засадил яблоневыми саженцами. Стояли они у него как на параде. Летом побелённые, зимой укутанные мешковиной. Отродясь в морозном сибирском краю яблони не приживались. Год назад одна из них расцвела, народ к заборам прилип. Удивлялись.

Весна была ранней, дружной. Земля задышала полной грудью, выпустила траву. От изумрудной зелени непривыч-

но хорошо внутри. В таком раю век бы жить.

Пётр извертелся вокруг своих яблонь. Рыхлит, подсыпает золу, грабельками расчищает и поёт, поёт... Да так задушевно. На публику старается. Кому надо и не надо по несколько раз мимо ограды прошли. Все до одной яблони цвет набрали. Распушились. Того и гляди белой пеной вспухнут. Дождались: к вечеру стали цветки распускаться. И – похолодало.

По радио сообщили – ночью заморозки, минус пять. Вот такой коленкор! После ужина соседи, накинув фуфайки, кучками обсуждали надвигающийся холод.

Кто-то, не выдержав, сказал:

– Кранты саду.

Покряхтели. Помолчали. Глядели через забор на преобразенные белыми облачками яблоньки. Томила непонятная грусть. Дочка, прилепившаяся к Ивану, тормошила:

– Пап, а пап, цветки померзнут? Может накрыть их?

– Чем ты их накроешь, чадо моё жалостливое?

– Бога молить надо, чтобы пронесло, – тихо отозвалась мать.

Сгустились сумерки. Накатывающий студёный влажный воздух развёл все-таки по домам. Но ненадолго. Ощутимый запах дыма, заполонивший каждую хату, заставил их вернуться в переулок. Пётр, его Клава и Витька тёмными тенями двигались между рядами яблонь, поднося дрова, подправляя дымные костры.

– Это что придумал! – с восторгом похвалил Дедушка, которого все уважали.

– Да, так можно спасти цвет, – отозвался Иван с одобрением. Только всю ночь надо обкуривать. Где столько дров взять?!

Зойка тихонько вынырнула из круга и побежала домой. Там за печкой хранилась растопка – сухие лёгкие поленья. Набрала их, сколько поместилось в руках, и помчалась через свой огород к Котовым. Пролезла через щель в заборе и, наконец, остановилась.

В синих сумерках расцветшие деревья стояли как танцовщицы, замершие перед выходом на сцену. И зрение, и слух стали вмиг десятикратно отчётливыми. Бело-розовые бутоны освобождаясь от кожистой шелухи слегка шуршали, источали очень тонкий, нежный запах неземной благодати.

– Они – невесты и счастливы этим! Они влюблены в жизнь. Как я. Но знают о ней что-то своё... Тонкие деревца, выступая из полумрака, шелестели ей: “Здравствуй”! Замирая от восторга и дрожа, Зойка шла, целуя взглядом каждую яблоньку. И та кланялась ей.

От дома навстречу, с охапкой надвое расколотых чурок, уже торопился Витя. Он стал забирать у Зойки полешки, и всё упало на траву, рассыпалось. Они столкнулись лбами. Удерживаясь от падения, схватили друг друга за руки, соприкоснулись вспыхнувшими щеками. Дружно рассмеялись

и стали собирать дрова.

Заскрипела калитка. Соседи несли охапки дров, еле слышно переговаривались. Голоса тонули в теплой, окутывающей весь сад белесоватой дымовой завесе, слышались только отдельные слова:

– До рассвета ... продержаться. Клава! Не плачь! Согреем...

Кто-то из женщин тихонько затыкнул: “Лучше нету того цвету, когда яблоня цветет”...

Тимофей и Ася

Дядя Тимофей, брат мамы, в детстве был для меня самым интересным человеком. Примерно, как сейчас для детей актер, играющий Гарри Поттера. Я много о нем слышала, но никогда не видела. Знала, что мы когда-нибудь встретимся, и готовилась ему понравиться. Он воевал, вернулся без одной ноги, носил то протез, то "деревяшку", как он её называл, жил неподалёку, в маленьком городке Салаир.

Мама с сестрой при встречах только и говорили о дяде. Всё, что удавалось услышать и подслушать, я, как припасливая белка, тащила в нору памяти, а там уж занималась сотворением своего кумира.

Сестры любили его за ум и добрый нрав, за то, что заменяя отца, хорошо с ними обходился и развивал, читая интересные книги и рассказывая, как устроен мир. А ещё он писал стихи. Об этом упоминалось вскользь, как о чудачестве, слабости и прощалось. Часто проскальзывало: в нём порода предка-француза, дескать, и стать, и высокий лоб, и обходительность от него.

Но особое место в пересудах сестер занимала женитьба дяди на особе, которую они не жаловали. Самое обидное, что я слышала в их адрес, было:

– Пара! Гусь да гагара.

Гагара, она же Ася, считала Салаир своей родиной и находила его вполне пригожим. Пока дядя бил фашистов и защищал отечество, она, конечно не зная, что встретит вскоре такого достойного мужчину, "невестилась", "крутила хвостом" и – "О, ужас! – принесла в подоле", – то есть родила ребёнка, не будучи замужем, нисколько этим не смущаясь, не защищаясь от нападок.

Как все в этом местечке, приютившемся в ложбине Салаирского края, мыла золотишко на горной реке, чтобы прокормить бабушку, мать и сынишку. Работа сезонная, надо было обеспечить себя на долгую зиму. Препоручив сыночка домашним, она по двенадцать часов колдовала над своим решетом, вытанцовывая в холодной воде чечётку удачи – танец старателя. Руки и ноги болели, отваливалась спина, мучил вечный кашель, но в конце каждого дня малюсенькая кучка золотых крупинок на точнёхоньких весах золотоприёмной кассы сулила сытость завтрашнего дня. Это давало силу жить дальше.

А как же! Ей предстояло встретить дядю Тимофея, полюбить его, родить троих сыновей, пережить самый разнообразный человеческий опыт. История взаимоотношений дяди Тимофея и Аси хранилась в моем сознании как непрорисованная картина. Когда очередная информация или событие находили место в этом полотне, я с любопытством принимала новую версию. К тому времени, когда мы отправились к ним в гости, мне было известно, что после госпиталя, где он

залечивал трагическое ранение, полученное в Берлине, его командировали на работу в Дом отдыха в Салаире, где долечивались бывшие фронтовики.

Налаженное хозяйство не требовало больших усилий, но новый директор истосковался по делу и выкладывался на полную катушку. Во всё вникал, не чурался показать при случае, что может работать не только головой, но и руками.

Людям нравились энтузиазм, молодой задор руководителя, а больше всего привлекала возможность заработать. В те времена кабальные государственные займы лишали граждан страны живых денег – вместо них в конце месяца выдавали горсть облигаций, которые можно было выбросить.

Народ перебивался с хлеба на воду. Новый директор нашел лазейку: отличать хорошо работающих натуральными продуктами. Все из кожи лезли только бы попасть в "продуктовый" список. Подсобное хозяйство с приходом нового директора стало просто пухнуть от приплода и прироста.

Молока, мяса, курятины, яиц и корнеплодов не только с лихвой хватало и отдыхающим, и работающим, но в складах, под землей, и в амбарах уже закладывались на хранение излишки в виде солений, квашений, соленого сала, домашних колбас, даже окорока копченые имелись. Всему велся строгий учет, на доске объявлений каждый месяц вывешивалось: сколько и чего произведено, и кому распределено.

Люди из города, прослышав об изобилии, ежедневно с утра приходили просить работу. Однажды нужда привела и Асю. Первую встречу с ней дядя вспоминал с удовольствием.

– Только поднял на нее глаза от бухгалтерских счётов – понял: это моя жена. Все поплыло передо мной и захотелось петь. И запел ведь. "Наш уголок я убрала цветами"... Фу ты чёрт, думаю, что же я делаю?

А она смотрит как дети – всем лицом, белки голубоватые и ровный свет от неё, а взгляд, такой, знаете, полный внимания. И спрашивает:

– Вы поёте на работе?

– А что ж, говорю, не петь, если поётся.

– А я посудомойкой наниматься пришла, возьмете?

Схватил я стул, усадил гостью и стал вокруг ходить, как вокруг елки. Деревяшка моя постукивает, она молчит, покраснелась, как бы привстала даже.

– Ты сиди, разговор только начался. Тебя как звать?

– Ася Гулина.

Ася. Имя мне понравилось, я его произносил и так, и эдак, а она спокойно

смотрела на меня и ждала.

– А зачем тебе посудомойкой работать. Выходи за меня замуж, будешь домашним хозяйством управлять.

– Вы шутите?

– Никогда ничего более серьезного не говорил в своей

жизни. Так что?

– Дело непростое: у меня мама, бабушка... Сына я рошу. Отца у него нет. Она подалась вперед и с искренностью, при-
сущей лишь бесхитростным душам, сказала:

– Я уж и так дров наломала..., – помолчала. – Был один командировочный... Она смутилась и оборвала себя восклицанием:

– Зачем я вам рассказываю, сама не знаю...

– Ты не увиливай, – наступал бывший командир танкового взвода, – решай здесь: будешь моей женой?

Где-то там, в своём сердце, он знал, что раскрасневшаяся Ася скоро станет всем смыслом его жизни, её наполнением и боялся, что какая-нибудь мелкая глупость вмешается, разрушит захватившее чувство, унесёт прочь это чудо, которого он терпеливо ждал долгие годы.

Он сел на стул напротив и, взяв её за руки, попросил: решай поскорее, это для нас с тобой очень важно! Ася, не отнимая рук начала рассказывать о себе:

Мечтала как все девчонки о любви, о её волшебных переживаниях, о парне, который будет крепко её любить. Мечты приходили в голову в виде театральных пьесок, которые разыгрывались ею перед сном. Заканчивались истории счастливо: у неё большая семья и все друг с другом в ладу.

На момент её девичьего цветения в стране шла война. Население маленького городка составляли женщины, дети

и старики. После окончания школы она устроилась в гостиничке дежурной, а заодно, и уборщицей. Тут-то и случилась история, не предусмотренная чистыми фантазиями. Некий гражданин пятидесяти лет, проверяющий что-то на прииске, задержался, аж на две недели. Ласковыми речами, похвалами, стихами Сергея Есенина, а главное, своим вожделением, он смутил разум девушки настолько, что, забыв о мечте, не думая о последствиях, она сделала то, к чему готовила её природа.

Командировочный уехал, оставив только своё имя, которое впоследствии младенчику вписали в метрику, и книжечку стихов Есенина, потрёпанный томик, ставший на время беременности курсом психотерапии.

К слову сказать, появление Гусёнка, это имя дала ему бабушка, не было безоблачным. Он мог не появиться вообще, если бы... Жили они втроем. Дед и отец Аси воевали, но недолго: похоронки, пришедшие одна за другой, усекли семью наполовину, и бабушка стала главной.

Когда факт зарождения новой жизни был подтверждён прямыми и косвенными признаками вроде частой утренней тошноты, рвоты и всяких капризов по части еды, состоялся семейный совет, где после подробного изложения событий, предшествующих настоящему положению, произошла бурная сцена между мамой и бабушкой Аси. Мама пыталась протащить своё предложение – с помощью знакомой умелицы избавиться от нежеланного пришельца потихоньку, пока

позволяют сроки, иначе "всякая сопля пальцем тыкать будет". Бабушка, выслушав опасения дочери, припечатала:

– А поделом! Пусть тычут, не проткнут. Надо отвечать за свои делишки. Ребёночек – душа невинная уже получил жизнь от Бога. Кто мы такие, чтобы божьего дара лишать. Будешь, Анастасия, рожать, хотя бы мне пришлось все плевки на себя принять.

Бабушка, как человек верующий и живущий по правилам, обладала в семье всей полнотой власти. Умение эту власть употребить ей приходилось иногда доказывать на деле. Так, последний раз это случилось незадолго до начала войны.

Отец Аси, по-семейному – Гусь, будучи удачливым старателем, а это значило также, что у него водилась заначка от семьи, пристрастился к выпивке. "Большая", так заглазно звалась бабушка, пыталась разъяснить Гусю, куда ведёт этот путь, однако, дальняя перспектива – быть отвергнутым Богом из-за того, что пропивает душу, оказалась неубедительной.

Однажды, дождавшись пока пьяный Гусь проспится, накормив его завтраком, она так же деловито велела спустить штаны и подставить зад. Ослушаться он не посмел. Большая взяла, вымоченное в воде тяжёлое льняное полотенце, вчетверо сложенное, и принялась стегать его, приговаривая:

– Это тебе цветочки, сукин сын! Она била Гуся и плакала. Гусь извивался, кричал, но наказание принял до конца.

Со спиртным он завязал накрепко: когда на фронт уходил, и Большая поставила на стол сбереженную бутылку церковного Кагора, только головой мотнул, дескать, от принятого не отступаю!

Так что Гусёнок был оставлен волей бабушки и развивался до срока в своей тёплой вселенной под стихи поэта Есенина. Ася, никогда не слышавшая самого поэта, и, вообще, ни одного живого поэта, произносила стихи нараспев, как получается у них самих. Прекрасные образы возбуждали уже пульсирующую любовь к ребеночку, всё вокруг преображалось, и кружились разноцветные миры, в которых мысленно пребывала Ася со своим растущим сокровищем.

– Боже, пусть дитя станет поэтом, – не раз горячо молила молодая мать.

Когда дядя услышал о таком особенном расположении Аси к стихам, душа его кувыркнулась от радости:

– А ведь я тоже пишу стихи, – сказал он волнуясь. – С фронта несколько тетрадок привёз. Так что скажешь?

Вспомнив, кстати, что у неё есть мать и бабушка, она пообещала дать ответ завтра.

– Я сегодня приду, – настаивал на своём дядя. И вечером того же дня состоялось знакомство с Асиной семьёй. Решено было съехаться и жить всем вместе в отведённом ему директорском доме.

И вот теперь, десять лет спустя после этого события, мы

едем к нашему родственнику в гости.

Где-то на полпути привычная степь с пологими сопками и отвалами породы сменилась ущельем между двух хребтов, поросших густым лесом. Несколько раз пересекли одну и ту же порожистую, гремучую, золотоносную речку, и, наконец, поезд, спотыкаясь на поворотах, свистя и разбрасывая клубы дыма, въехал в небольшой городишко, похожий на лукошко, где курица высиживает птенцов. Прямо от станции к дядиному жилью вела натопанная в траве тропинка.

Дом поразил меня великолепием деревянной веранды, охватывающей его по периметру. Он возвышался на холме как маленькая крепость. Палисадник вокруг строения был полон сиреней, черёмух и белоствольных берёз. Пение птиц и жужжание пчёл усиливало праздничное настроение.

Нас встречала вся семья. Дядя Тимофей, большой и весёлый, передвигался на своей деревянной ноге так ловко и легко, что мы невольно стали вторить ему. Получалось вроде танца. Он расцеловал всех, обнял милую, подвижную женщину с головой полной мелких рыжих кудрей, она держала на руках дитя, и с гордостью и любованием представил:

– Это Ася, сокровище мое. Она нам таких вкусностей наготовила. Мойтесь, да и к столу!

В моей голове уже давно тоненько пелась мелодия счастья, именно под неё мы все кружились, как во сне, медленно вглядываясь друг в друга. И тут в нашу небольшую компанию ворвались трое мальчиков разного возраста, одинако-

выми были их огненно-рыжие головы с перепутанными, как у Аси, кудрями. Они двигались быстро и шумно. Самый маленький, трехлетний, ткнулся мне в колени и протянул пучок красного клевера.

– Это Андрюшка, твой брат, – крикнул дядя, – Леха-с порванным ухом – он у нас заметный, Ваня – старший.

Родителей повели в комнату, для нас приготовленную, а мальчишки увлекли меня и мою сестру Лиду на веранду, откуда исходили густые запахи трав и плодов. На дощатом полу стояли бочонки с плавающими в них грибами. Тёмная поверхность воды колыхалась, усеянная, как кувшинками, беленькими маленькими шляпками. Несколько корзин с яркими подберезовиками заняли скамью у окна.

– Сегодня собрали, – пояснил Ваня.

Над головой покачивались связки сохнувших трав, от сморщенных пучков земляники шёл сладкий дух вкусного чая, шуршащие березовые веники сулили зимой воскресение переживаний волшебного лета. Лёгкие батистовые занавески парусили на ветру и, казалось, что это корабль с дарами леса плывет в небо...

Мальчишки выкатили самокат, видимо собственноручно сделанный, и предлагали покататься, но пришлось вежливо отказаться – веранда таила немало невиданных вещей, мне хотелось остаться с ними наедине. Например, заглянуть внутрь кожаного потрескавшегося саквояжа с блестящей застежкой. Он стоял на высоком одноногом столике и выражал

готовность служить. Заметив мой интерес, Леха крикнул:

– Там яйца, мы держим в нем яйца. Раньше здесь жил доктор. Он умер. Это его штуковина.

У меня зашипало в носу – так жалко стало, что доктор не может увидеть, как верный товарищ все еще ждет его... Чтобы не расплакаться, пришлось подойти к висящей на гвозде шляпе из белого кружева с широкими полями и выцветшей голубой розой. Голубая! Она восхитила меня. Как жаль, что надо в гостях вести себя по правилам и ничего не трогать. Шляпа, казалось, была довольна – ведь я обошлась только взглядом!

В углу стояла клетка, должно быть, птичья. Дверка открыта, а внутри проволочное сооружение и засохший букетик васильков. К ним-то и потянулась моя рука, но предупреждающий крик мальчиков: это мышеловка! испугал и смутил меня до густого румянца.

Деликатно пропустив протез, прикорнувший также в углу, я пообещала себе пробраться на веранду рано утром, когда все еще будут спать, и продолжить знакомство.

Маленькая моя сестричка, влекомая запахом, нашла стеклянную банку с янтарным медом и, вооружившись ложкой, отгоняла летавшую над ней пчелу.

Шумно разговаривая, вернулись взрослые, и дядя несколько театрально возвестил:

– Пообедаем, чада мои!

Загребая мальчишек длинными руками, тихо прошептал

им что-то личное. Обласканные, они засмеялись в ответ. Приязненные чувства, гуляющие по всему дому, коснулись самого сокровенного в душе, по чему образовалась тоска. Дядя тотчас заметил, обнял меня за плечи и повел в столовую.

Два цвета – чёрный и белый создавали чёткий ритм. Буфет из морёного дуба, занимавший полстены – наследство жившего здесь доктора – был похож на большую добрую женщину в фартуке с множеством карманов. В его утробе солнце высвечивало драгоценный блеск стекла и фарфора; баночки с вареньем, подвязанные кокетливыми платочками, таили немислимую сладость лесных ягод, умноженную кулинарными ухищрениями хозяйки.

Длинный стол, накрытый белой скатертью, расшитой синими веселыми васильками, окружали стулья с прямыми высокими спинками. Они стояли строго напротив друг друга и были одеты. Да, на каждом был чехол из льняного белого полотна, подхваченный сзади большим бантом и украшенный вышитым цветком. Не в силах оторвать взгляд, я рассматривала яркие живые цветы. Убранство столовой явно произвело впечатление на родителей: отец сопел, переминаясь с ноги на ногу, а мать, часто взглядывая вокруг, явно не справлялась с чувствами.

Дядя распорядился:

– Выбирайте цветок и садитесь. Нравятся Асины затеи? Она мастерица красоту наводить.

Существование в нашем убогом жилище, состоящем из комнаты, где все спали, и другой – для готовки и еды, со столом, обитом выцветшей жёсткой клеёнкой, стало ограничителем свободы среди белого великолепия дядиной столовой. Мы топтались, медлили и, наконец, всё же расселись. Доставшийся мне стул с букетом подснежников оказался напротив дядиною.

В каждой тарелке развалилась белейшая картошка, а рядом румяная котлета и снопик зелени, дразнящий запахом укропа, сбоку – как восклицательный знак – в высоком стакане малиновый морс.

Дядя посмотрел на каждого и сказал:

– Вот и свиделись, слава Богу! За встречу!

Родители, выпив медовухи домашнего изготовления и закусив солёными грибочками, малосольными огурцами и отведав котлет, расслабились, размякли и похвалили изготовленный напиток.

– Так давайте выпьем ещё, – предложил дядя, – надо выпить за Большую–бабушку и Асину маму – Анну Миронову. Что бы мы без них делали! Всех мальчишек вынянчили и нам с Асей не докучали, хорошие люди, жалко, что рано ушли.

Дети поели быстро и с наказом отца: "Далеко не убегайте, папка ваш сегодня выпимши, по хозяйству поможете", исчезли.

Покончив с едой, взрослые вспоминали своё детство, вос-

становились канву жизни, проведённую в разлуке. Разговор становился всё громче и бессвязнее. По своему обыкновению подслушивать разговоры взрослых – такой у меня был возраст, я незаметно передвигалась по столовой, не упуская ничего, за что цеплялось моё любопытство, предчувствуя интересное.

Дядя взял в руки спокойного маленького Коляшу и, обняв другой румяную Асю, немного пафосно попросил:

– Полюбите мою жену, мою Беатриче, мою Лауру, мою Клеопатру..., – он остановился.

– Марью Царевну, – подала я голос из-за печки.

– Марью Царевну, – с благодарностью повторил дядя и продолжил:

– Она Королева души моей, моя Пенелопа.

– Кто? – подала голос мать и, видимо, вспомнив школьную программу, приснула. – Может и вязала она шарфы, да не тебе! И повернулась к отцу.

Дядя передал Коляшу Асе, ещё не понявшей вызова, но уловившей угрозу в голосе родственницы и потому приникшей к мужу, и тихо попросил:

– Надежда, пойдем со мной."

– А чего выходить, я все могу здесь сказать, заупрямилась мать.

– А вот этого не надо, тебе нечего сказать. Он справился

с застрявшей ногой и, подойдя к сестре, подставил ей согнутую руку. Она игнорировала жест и пошла рядом.

Отец вежливо обратился к Асе:

– Я... это... покурю?"

– Курите здесь, окна нараспашку, – добро отозвалась она, и посадив на коврик в центр солнечного света Коляшу, медленно подбирая слова, заговорила:

– Тимочка не любит смотреть назад, говорит, жить надо сегодня, только правильно. Он говорит... – Не найдя поддержки у отца, Ася посмотрела на меня как на подружку:

– Он говорит, если жить правильно, о нас всегда позаботятся.

– Кто? – не удержался отец.

– Кто, кто? Он! – подсказала я весело.

– Тебя не спрашивают, – стряхивая, куда попало пепел и, суется, отмахнулся отец, и в голосе его была растерянность.

– Это Тот, кого мы не видим, но чувствуем, – уклонилась Ася от прямого ответа, и добавила:

– Тимочка никому не позволяет меня обижать.

– Мы с ним видим, что зла накопилось нынче очень много, и не хотим прибавлять его. Только подумать, сколько горя, боли и ненависти случилось на войне. Тима очень много пережил, он знает...

Она помолчала, поправила прическу и доверительно продолжила:

– Тимочка – поэт, а все поэты очень добрые, иначе стихи

не складываются – удовлетворённо и твёрдо поставила она точку в разговоре.

Брат и сестра вошли несколько напряжённые и мать, встретившись с вопрошающим взглядом отца, отозвалась:

– Да кто ж знал, что тут такая любовь!

– Теперь знаешь и другим расскажи, – подхватил дядя и, подняв ребенка с пола, бережно устроил на груди.

– Голубка моя! А где наш чай? Выставляй свои варенья-печенья, порадуй гостей, Надюша тебе поможет.

Чай продолжался до самых сумерек. Переполненные душистой сладостью, слушая дядины стихи о любви, мы смотрели на предмет поклонения.

Вдохновительница совсем не смущалась восхвалением её достоинств, даже наоборот, слушала внимательно, словно и не к ней обращено, иногда подсказывала стихи, не забывая подливать, накладывать, приносить и убирать.

Когда стемнело, мы отправились прогуляться. Наш ведущий освещал путь большим фонарём, в свете которого золотые мотыльки, подобно фантомам, мгновенно появлялись и исчезали. Ноги утопали в росистой траве, потревоженная, она отдавала терпкие запахи лета; надежно укрытые в своих убежищах сверчки цвиркали последнюю славу дню.

Если бы я знала, что это лучшие дни моей жизни... Кабы знать да ведать, всё бы отведал... Нас накрыла атмосфера дядиной семьи, вобрала как уютный, тёплый кокон, и все

три дня гостевания мы были, как они: варили варенье, красили крышу, учились ездить на новеньком велосипеде— собственности Дома отдыха, косили люцерну, а потом купались в реке, на которую спустилось облако белых бабочек-капустниц. Моя мама и дядя Тимофей, будто снова погрузились в детство, поддразнивая друг друга и обмениваясь знакомыми им шуточками.

Природа поддерживала нас и открывала сокровища. Дядя Тимофей привёл нас в ельник, где ступить негде от воинства только что вышедших белых грибов; налюбовавшись, он сказал:

– Жалко их трогать. Красота какая! Велика заслуга косой косить! С грибом надо в прятки уметь играть и выигрывать, вот тогда добыча честная!

Мы дружно согласились.

– А вот ещё. Набрели на малинник, собрали изрядно, жарко стало, пошли к ручью, он в ложбинке, спускаться надо. И что мы видим? Медведь в ручье улей рушит и ревёт – пчелы зажалили. На взгорке, оказывается, пасека Дома отдыха. Сладкоежке повезло: сумел улей украсть и к ручью унести, а теперь от пчел избавляется, в воде улей купая.

– Улей, конечно, жалко, да что теперь поделаешь – разорил уже, – посокрушался дядя.

По дороге домой нас застал дождь, пришлось сделать остановку на летней дойке, под навесом, где доярки принимали от коров молоко. Они задорно попросили помочь, а нам

в удовольствие: получив наставления, уселись на скамеечки, и первые струйки молока, бившие о цинковое ведро, вызвали неопишное, забытое ощущение единства со смиренным и добрым животным, производящем в своем чреве вкуснейшую полезную еду.

Выдоенное своими руками молоко пили с наслаждением, осознавая где-то на глубинном уровне, как добра к человеку природа.

Сны являлись продолжением блаженного дня и баюкали пестротой цветов, поющих, и без слов говорящих, люди и животные состояли из лучистых энергий, сиюминутно меняющих образ и смысл...

Прощались почти без слов. Мы стали одной семьей, и душа противилась расставанию. Впоследствии мы обменялись несколькими письмами и часто вспоминали свои радостные переживания, пока не закончилась жизнь дяди Тимофея и Аси.

В один из предновогодних дней, когда в Доме отдыха готовился большой праздник, дядя в своем кабинете дожидался приезда кассира из банка. Зарплата в деньгах, с трудом им выхлопотанная, была сюрпризом для людей, и он предвкушал их радость.

Наконец затарахтел грузовик, доставивший кассиршу. В этот момент в приоткрытую дверь заглянула Ася со своей корзинкой, в которой приносила иногда домашний обед. Пока раздевалась и целовала своего Тимочку, постучавшись,

вошла кассир, положила на стол свёрток денег, обёрнутый бумагой и перевязанный шпагатом, и сказала, что вернется через минуту.

Последний момент жизни дяди и его жены видели только грабители. Двое мужчин словно материализовались из воздуха. Никто не видел, как они вошли, и куда потом исчезли, забрав с собой сверток с деньгами. Ножевые ранения стали смертельными для Тимофея и Аси. Вещдоки валялись рядом с умершими, и потом долго еще хранились в сейфе следственного отдела, пока, однажды не отправились истлеть в землю, куда уходит всё.

О случившемся мы узнали из письма Вани. Всех мальчиков определили в детский дом.

PS. Закон парных случаев самым трагическим образом проявился в моей жизни в другом месте и в другое время на острове Сахалин.

В июне 1999 года были убиты мои дорогие друзья Виктор и Людмила и двое их гостей, заночевавших на маленькой даче, неизвестными, которые до сей поры не найдены. У погибших остались дети... Позже бесследно пропал сын – Коля, подросток 15 лет...

Жестокое убийство совершили люди, которых Виктор, инспектор рыбоохраны, задержал на нерестовой речке за браконьерский лов горбуши и выписал штраф за незаконное действие...

Ты нам всякая мила

В каждом возрасте своя картина знаний. «Tabula rasa» – это когда очень мало штрихов, когда их почти нет. Такое бывает в раннем детстве.

Баба Дуня, вырастившая четверых детей, знала это, поэтому хотела чаще видеть своих внуков, влиять на них. Достойная цель в жизни женщины.

Её не пугали длительные переезды уже обременительные для возраста. Интерес в них самих содержащийся, волновал, насыщал впечатлениями.

Похоронив мужа, погибшего на шахте в маленьком городке Донбасса от взрыва метана, она решила по очереди навещать сыновей.

Семья Ивана-сибиряка, получая известие о приезде, принималась чинить, мыть, прихорашивать свою хату. Родственница отличалась пристрастием к чистоте, и, если что не по ней, сама вооружалась тряпками и мылом. Казалось – не грязь изводит, а мировое зло. Сын начинал заикаться в тот самый день, когда она появлялась на пороге. Бабу Дуню называли “Мамо” и говорили ей “Вы”.

Внуки включались в спектакль "Баба Дуня приехала", ожидая необычного. И в каждый приезд оно случалось. Петуха, однажды осмелившегося клонуть важную гостью, тут

же, из уважения к ней, предали супу. Мать чуть не плакала. Он был её гордостью, соседи нередко одалживали красавца на недельку, чтобы лучше неслись куры, а возвращали с заработком – лукошком яиц.

Никто никогда не слышал, чтобы Мамо повышала голос или волновалась. Её непоколебимое спокойствие можно сравнить с вековым деревом, связанным с небесным миром кроной, а с земным – вездесущими корнями. Даже внешне она напоминала мощное выносливое произведение природы. В ней проявлялась уверенность человека, постигшего тайну бытия.

Станция – она же городок с секретным заводом, где жил её сын с семьёй, была небольшая, поезда делали короткую остановку и следовали дальше на конечную, узловую. По недосмотру начальства в её хозяйстве ещё существовали, вроде вымерших птеродактилей, – грузчики, помогающие за плату доставить поклажу пассажира. Баба Дуня превращала их замершее существование в праздник, назначая на главные роли.

Путешествовала родственница с багажом. Собираясь на полгода, долго и тщательно укладывала в сундук всё, что ей могло понадобиться.

Сработанный из крепких сухих досок за год до рождения Дуни, он принадлежал её матери. Заказан был из расчета хранения ценных вещей семьи, в то же время служил спальным местом. Размер вполне подходящий – около двух

метров в длину и метр в ширину. Удобная вогнутая крышка изначально предназначена для отдыха. Четыре бронзовые ручки по бокам украшали этот голубой “ковчег”. Огромный ящик следовал отдельно, в багажном вагоне.

Баба Дуня устранила встречи и проводы. Предпочитала сама добираться до порога дома. Она нанимала всех четверых грузчиков, называла сумму, оживлявшую их порочные лица, коротко инструктировала. И процессия отправлялась. Прохожие, случившиеся на пути следования, останавливались, изумляясь странному кортежу, долго смотрели вслед.

Большая и важная, с зонтом в одной руке и корзиной в другой, она достойно представляла своё грузное тело, обряженное в пышную длинную юбку, поверх которой был повязан батистовый фартук с отделкой ришелье. Кофта с длинными рукавами была скорее халатом, слегка маскировавшим её пышные формы.

Вслед за ней четыре фигуры, стараясь держаться молодцевато при такой знатной даме, обмотав ручки выданными носовыми платками, силясь на шататься, не матерясь, что было запрещено нанимательницей, несли доверенный голубой сундук.

Самой заметной деталью внешности бабы Дуни была белоснежная накрахмаленная косынка, повязанная поверх особого ободка, державшего отличную форму горделиво посаженной головы. С выпяченными толстыми капризными губами вишневого цвета на фоне лица, украшенного всегда гу-

стым румянцем, в обрамлении невиданного головного убора, она выглядела как мать-прародительница туземного племени. Не помню, чтобы кто-нибудь обсуждал её внешность.

Сундук устанавливали в единственной комнате, где он мог поместиться. И всё! – Путь туда домочадцам был заказан на все время гостевания. Она располагалась основательно, выложив все необходимые для ухода предметы. Молитвослову отводила место на подушке. Отдохнув с дороги и убрав себя, выходила к обеду.

До вечера, попивая чай с чабрецом, она по одному спрашивала каждого "Шо зробыв за цый рик?" Просматривала дневник у внучки-первоклассницы. Не спеша выясняла у матери, на какие деньги содержат семью.

С сыном беседовала дольше всех, и, догадываясь о его злоупотреблении спиртным, склоняла к честному разговору, к осознанию. К вечеру все замолкали. От пристрастных расспросов у детей и взрослых горели щеки и уши, всем хотелось поскорее в постель.

Обязательным моментом посещения был забой откормленного к этому сроку поросёнка и запасание впрок всех его частей. Управление процессом брала на себя баба Дуня, превращая его по ходу в грандиозное представление. Дети ждали его.

С вечера под её руководством мылась и чистилась посуда, приглашался знакомый мужик, умеющий одним ударом ножа убить животное.

Отец семейства девять месяцев состоял при очередной “Машке” нянькой. Кормил её, мыл, и, смешно сказать – выводил гулять. Или она его выводила. Животное привязывалось к доброму человеку и ходило с ним в магазин и к колодцу за водой. Обычно Машка шла рядом, раздавая всем довольные хрюки.

В день забоя Иван исчезал из дома и не возвращался, пока свинья не была окончательно разобрана и определена на хранение.

Распорядительница на ответственный момент оставляла только мужика с ножом и двух его помощников-сыновей. “Диты” ждали дома её команды присутствовать при дальнейшей операции.

Как всегда, Пётр с сыновьями повалили Машку на бок, и пока два дюжих молодца удерживали её, отец должен был одним ударом завершить дело.

Но не в этот раз. Похмельный синдром лишил руку силы. Остриё только скользнуло по шкуре. Взбешённое животное скинуло мужиков и с визгом бросилось в огород. Верещащая свинья сделала виток вокруг дома, когда баба Дуня с ватным одеялом в руках набросилась на неё сверху. Мужики кинулись ей помогать. Её возглас: «Пётр, нож!» – заставил того мгновенно выполнить приказ.

Ещё через минуту, убедившись, что удар достиг цели, она кряхтя поднялась с соломенной подстилки и обычным голосом стала отдавать распоряжения.

Как только баба Дуня вычерпала изнутри кровь и определила её в дело, позвала всех помогать: «Не потопаешь – не полопаешь», – внушала она удовлетворённо густым голосом.

И детвора бегала туда-сюда с кипятком, паяльной лампой, с чистыми тряпками. Относили, приносили, смотрели как ловко и точно отделяет бабушка сало от мяса, как солит крупной сероатой солью и вкладывает брусочки в холстинковые отбеленные тряпицы, как чисто моет и выворачивает кишки, а после набивает через рожок фаршем с прожаренной кровью.

Детей давно накормили вкусным жареным мясом. С удвоенной энергией они выполняли её поручения, только бы участвовать в интересном действии. Баба Дуня досконально знала, как и что надо делать. Ребятишки впервые видели красоту простого труда, когда он направлен на благо жизни.

В тот вечер, забравшись на широкую родительскую кровать вместе с внуками, она рассказывала, точнее разыгрывала сказку об Ивашечке и ведьме. Это был театр одного актёра. Рассказ вёлся на смеси украинского и русского. Сказочка, как нередко бывает у Афанасьева – широкоохватная, – о человеческой жизни, причём весьма приукрашенной жестокостью.

Ивашечка, с малых лет усвоивший, что старым родителям надо помогать, вызывал у бабы Дуси явное умиление. Голос её при описании удачной рыбалки мальчика звучал настолько ласково, что дети, никогда не слышавшие от неё таких

интонаций, замирали.

Как только появилась злая сила, в лице ведьмы и начались трагические события по изведению со света хорошего мальчика, тот же голос зазвучал во всю мощь. Пафос предсказательницы-пифии пугал до ужаса, маленькие невольно прижимались к ней, хотя всегда боялись даже прикоснуться. Наступил момент, когда обманным путём злая ведьма заманила Ивашечку:

– Ивашко приплыл; она рыбу забрала, его самого схватила и унесла к себе. Пришла домой и заставляет свою дочь Алёнку:

– Истопи печь пожарче, да сжарь хорошенько Ивашку, а я пойду соберу гостей – моих приятелей.

С этого места и до конца сказки она обессиленным, каким-то нутряным голосом с увлажнившимися глазами выкладывала продолжение истории преодоления препятствий на пути возвращения к родителям.

Заканчивалась сказка хорошо:

– Гуси-лебеди подхватили его и понесли домой, прилетели к хате и посадили Ивашку на чердак.

Но со слов: «Рано поутру баба собралась печь блины, печёт, а сама вспоминает сынка: «Где-то мой Ивашечко? Хоть бы во сне его увидеть!»! А дед говорит: «Мне снилось, будто гуси-лебеди принесли нашего Ивашку на своих крыльях», сказительница разразилась потоком слез.

Из-за них повествование застряло. Её румяные щеки

тряслись, от утираний, намокшие концы косынки уныло повисли. Непонятная тишина заставила отца заглянуть в дверь.

– Мамо! Ну, шо вы так вбываетесь, цэж сказка! – уговаривал он.

– Я ж не только об Ивашке, обо всех плачу, кого злая сила сгубила, – отвечала всхлипывая баба Дуся. – Сказка ложь, да в ней намёк...

Обхватив нас полными мягкими руками, как бы укрывая от чего-то, уже другим тоном – уверенным и властным, добавила:

– Жизнь це борьба дурного с гарним кажду хвилину, – и постучав пальцем по голове старшего, добавила:

– Не силой берут, а уменьем, как Ивашка. Пийшлы спать – зло заспиться, добро за ночь укрепится.

Уроки не прошли зря. Все трое внуков достойно пронесли бремя жизни.

Внучка – медсестра вырастила брошенного в роддоме ребенка. Женила его.

Дождалась внука. Назвали Иваном. Раз за разом отправляясь спать, он просит рассказать ему сказку про Ивашечку.

Один внук, не пытаясь избежать армии, служил в Афганистане и, защищая малюсенькое поселение, был убит.

Второй внук стал просто хорошим человеком. Когда женился и родилась двойня, приехал за бабой Дуней, уже старенькой.

– Андрюшечка, чому я вам така стара палица спод метлы, – отговаривалась она.

– Баба, но я вижу ту палку цветущим деревом. Ты нам всякая мила.

Он перевёз бабу Дуню вместе с сундуком в свой дом смотрителя маяка, где их с нетерпением ждала невестка с двумя малышками.

Оказалось: девчонки – ну, вылитая баба Дуня!

Станция Мереть

Это сладкое слово “дорога” живет во мне как камертон. С первой поездки оно установилось и резонировало сразу в каждой клеточке тела и стоило слову возникнуть в мыслях или прозвучать в воздухе, все во мне танцевало и пело. как будто вскипала в руслах вен и, подгоняемая вестью, бежала быстрее и становилась горячее. Какая-то сила влекла все равно куда. Лишь бы идти, бежать, ехать и вглядываться в постоянно меняющийся узор мира.

Всепоглощающий интерес был так велик, что дороги, в моем сознании паучьей сетью оплетая всю землю и держа ее в руках, соединяли все в один большой дом. Скоро разные названия стали для меня означать определенную местность, направление, назначение. Начало всему положила бабушка, собиравшая для аптеки травы.

Нам приходилось много ходить, и дороги приобретали особенные признаки и названия. Она терпеливо учила. Даже проселочные дороги, что нам чаще всего встречались, были самые разные: битые, торные, накатанные, конные, щебенчатые, пешие, саженные – обсаженные деревьями. Не сразу я запомнила эти различия.

Вначале все промерила ногами. И по мере того, как росли мои ноги, и выросла я, дороги становились тропинками,

стезей, направлением, железнодорожной колеей, шоссе, еле заметной тропкой среди лугового разнотравья, дорогой зверья, идущего на водопой, рыбачьей извилистой лесочкой по берегу ручья или маленькой речки.

Сколько бы их не попадалось и в каких отдаленных местах они не находились, мой интерес, моя любовь к этой на-топанной человеческими подошвами тверди, умиляли своей близостью к человеку, служением ему. Дорога и дорога́ были для меня однокоренными словами. Дорога соединяла человека с жильем, с людьми. Она была спасением, метой жизни, надеждой. Дорога дорога́ путнику как ничто другое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.